

Покровский А. И. Магистерский диспут И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова: [Громогласов И. М. Определения брака в Кормчей и значения их при исследовании вопроса о форме христианского браказаклучения. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908] // Богословский вестник 1908. Т. 3. № 12. С. 639–652 (3-я пагин.).

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ

И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова.

Въ концѣ Октября (23-го и 24-го числа) наша скромная „деревенская Академія“ свѣтло праздновала два ученыхъ торжества, по поводу магистерскихъ диспутовъ двухъ своихъ профессоровъ—И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова. Блеску этихъ торжествъ, кромѣ интереса самыхъ диссертаций, захватывающихъ живые и современные вопросы „Опредѣленія брака въ Кормчей“—у перваго и „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“—у втораго), немало способствовалъ и прїѣздъ постороннихъ ученыхъ гостей, одни изъ которыхъ приняли даже участіе и въ самыхъ диспутахъ, въ качествѣ неоффициальныхъ оппонентовъ. Изъ числа такихъ гостей назовемъ преосвященнаго Анастасія, еп. Серпуховскаго, профессора Московскаго университета М. М. Покровскаго, профессора Петербургскаго университета И. Д. Андреева, профессора Нѣжинскаго института П. В. Тихомірова, профессоровъ Д. В. Цвѣтаева и П. С. Страхова, сотрудника Русскихъ Вѣдомостей С. П. Мельгунова и нѣкотор. другихъ.

Первымъ происходилъ диспутъ И. М. Громогласова, состоявшійся вечеромъ 23-го Октября въ самой большой изъ академическихъ аудиторій (№ 1), переполненной слушателями. Самый диспутъ начался въ 6½ ч. вечера краткимъ *curriculum vitae* магистранта, изъ котораго было видно, что онъ—уроженецъ Тамбовской епархіи, родился въ 1869 году, низшее и среднее образованіе получилъ въ Шацкомъ духовномъ училищѣ и Тамбовской духовной семинаріи, а высшее—въ Московской дух. Академіи, курсъ которой окончилъ

въ 1893-емъ году и былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ. Свой стипендіатскій годъ И. М. провелъ въ качествѣ вольнослушателя Московскаго университета, гдѣ занимался изученіемъ энциклопедіи права, исторіи и догмы римскаго права, исторіи русскаго права и въ особенности—изученіемъ каноническаго права, подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста этой науки, покойнаго проф. А. С. Павлова. Въ концѣ этого года И. М. былъ избранъ Совѣтомъ Московской Академіи на вакантную въ то время, за выходомъ въ отставку проф. Н. И. Субботина, кафедру исторіи и обличенія русскаго раскола, каковую занимаетъ и въ настоящее время. Въ заключеніе *succulum vitae* диспутанта, былъ прочитанъ длинный списокъ его научныхъ работъ и публицистическихъ статей, главнымъ образомъ, по вопросамъ старообрядчества и сектантства, а также и изъ области каноническаго права.

Затѣмъ на кафедре поднялся самъ диспутантъ и сказалъ слѣдующую рѣчь, стенографически записанную однимъ изъ студентовъ:

„Ваше Преосвященство,
досточтвмые отцы и милостивые государи!

Академическій обычай налагаетъ на меня обязанность задержать хотя на нѣсколько мивуть вниманіе Ваше рѣчью передъ диспутомъ и тѣмъ замедлить начало ученаго суда надо мной уважаемой коллегіи представителей академической науки. Повинуясь требованію традиціи, я напередъ объявляю по крайнѣй мѣрѣ, быть по возможности краткимъ. Я не буду говорить ни о важности изслѣдуемаго мною вопроса, ни о его научно-практическомъ интересѣ, ни о разныхъ—„зависящихъ“ и „независящихъ“ обстоятельствахъ личнаго характера мѣшавшихъ моей работѣ. Распространяться по первому пункту незачѣмъ, такъ какъ это значило бы доказывать то, что никѣмъ не оспаривается. Второй, думается мнѣ, достаточно выясненъ во введеніи къ моей работѣ. Говорить о третьемъ было бы равносильно просьбѣ о снисхожденіи; но оно и безъ того уже въ достаточной мѣрѣ примѣнено ко мнѣ моими уважаемыми рецензентами, отыскавшими въ моей работѣ гораздо больше достоинствъ и гораздо меньше недостатковъ, чѣмъ сколько ихъ есть на самомъ дѣлѣ; и если при такихъ условіяхъ окончательный приговоръ моихъ ученыхъ судей будетъ склоняться къ тому, чтобы произнести: „виновенъ“, то я самъ считаю справедливымъ присоединить, что не заслуживаю дальнѣйшаго снисхожденія.

Но я не могу не воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы—помимо цѣлей самозащиты—обратить вниманіе ученаго собранія на тѣ, встрѣченныя на моемъ пути, трудности, которыя зависѣли отъ

характера самой науки, къ области которой относится моя работа, и отъ особенностей того спеціального вопроса, который сдѣлалъ я предметомъ своего изслѣдованія.

Наука церковнаго права есть двухсторонняя наука: съ одной стороны—церковно богословская, съ другой—юридическая. Въ системѣ богословско-академическаго образованія она не стоитъ изолированно только первой изъ названныхъ сторонъ; но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ ея юридическимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи студентъ академіи, рѣшающійся посвятить себя ученой работѣ въ области церковнаго права, оказывается и теперь въ довольно безпомощномъ состояніи, не имѣя предшествующей спеціальнымъ занятіямъ общей юридической подготовки. Но теперь по крайней мѣрѣ самая наука церковнаго права преподается у насъ на третьемъ, а не на четвертомъ курсѣ, какъ въ мое время, когда къ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ этой науки приходилось приступать, не зная еще азбуки, не имѣя даже и самаго элементарнаго знакомства съ основными правовыми понятіями и съ методами юридической интерпретаціи. Неудобства такого порядка я въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ; но не многимъ лучше и въ настоящее время положеніе академическаго студента, рѣшающагося посвятить свои силы церковно правовымъ изслѣдованіямъ. Единственный, доступный ему, способъ необходимой подготовки можетъ состоять лишь въ самостоятельномъ книжномъ знакомствѣ съ юридическими документами; но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого средства и забывать объ опасныхъ сторонахъ научнаго аитоидиактизма... Вотъ почему я счелъ необходимымъ использовать свой стипендіатскій годъ по окончаніи академическаго курса для восполненія пробѣловъ своего образованія изученіемъ нѣкоторыхъ юридическихъ наукъ подъ эгидію высшей свѣтской школы,—подъ гостепримною кровлею Московскаго Университета. Благожелательное руководство его профессоровъ-юристовъ дало мнѣ возможность и въ этотъ сравнительно короткій срокъ приобрести очень многое, существенно облегчившее мои дальнѣйшія занятія въ области церковнаго права.

Другой рядъ трудностей, испытанныхъ мною, зависѣлъ отъ спеціального предмета моей работы. Я посвятилъ свое вниманіе изученію брачнаго института, который, какъ извѣстно, не былъ созданъ христіанствомъ, а сложился въ до христіанскомъ мѣрѣ в наиболѣе полно разработанъ римскимъ правосознаніемъ, вліяніе котораго замѣтно обнаруживается въ христіанскомъ брачномъ правѣ. Можно считать преувелченнымъ мнѣніе Іеринга, признающаго римское право элементомъ цивилизаціи новыхъ народовъ, равнымъ по своему значенію самому христіанству; но нельзя отрицать того, что изученіе положительныхъ нормъ христіанскаго брачнаго права не можетъ игнорировать историческаго соприкосновенія собственно христіанскихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній на бракъ съ отголосками римской традиціи. Ради выясненія роли этой послѣдней я долженъ былъ пуститься въ опасное плаванье по широкому морю

источниковъ римскаго права, преодолевая трудности, незнакомыя прошедшимъ яную подготовительную школу, — и только черезъ 13 лѣтъ рѣшаюсь думать, что приблизился, наконецъ, къ своей желанной мѣтѣ...

Все сказанное до сихъ поръ о трудностяхъ, испытанныхъ мною на себѣ и ожидающихъ каждого питомца нашей школы, посвятившаго себя той же специальности, даетъ мнѣ смѣлость заявить здѣсь, предъ лицемъ ученаго собранія, одну свою не разъ продуманную мысль, свое крѣпкое, выстраданное убѣжденіе. Несомнѣнно, что наука церковнаго права, столь важная по своему практическому значенію, не можетъ развиваться успѣшно при той изолированности и обособленности, въ какой она находится теперь. Быть можетъ, отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода о необходимости восполнить и безъ того достаточно перегруженный учебный курсъ духовной академіи введеніемъ тѣхъ или другихъ юридическихъ дисциплинъ ради болѣе основательной подготовки къ изученію церковнаго права. Но я не могу не высказать, опираясь на свой личный опытъ, самаго искренняго и горячаго пожеланія, чтобы тѣмъ, кто встрѣтятся съ подобными испытаннымъ мною затрудненіями, была легко доступна необходимая помощь со стороны. Не къ разъединенію и обособленію двухъ высихъ школъ—духовной и свѣтской—нужно стремиться позоуму, а къ сближенію и живому взаимообщенію между ними въ интересахъ церкви и науки...

На ряду съ указанными трудностями нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельстве, значительно облегчившемъ ихъ для меня. Я глубоко благодаренъ судьбѣ за то, что въ своихъ изслѣдованіяхъ по избранному специальному вопросу я имѣлъ двухъ опытныхъ и благожелательныхъ ближайшихъ руководителей. Не считаю удобнымъ гворить о своей признательности тому изъ нихъ, кто присутствуетъ здѣсь на лицо въ числѣ моихъ ученыхъ судей. Но я не могу не вспомнить въ данный моментъ о другомъ своемъ руководителѣ, который—увы!—уже десять лѣтъ тому назадъ ушелъ „въ страну, откуда нѣтъ возврата“. Разумѣю покойнаго профессора церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ А. С. Павлова. Я долженъ былъ бы заглушить въ себѣ голосъ искренняго чувства, если бы не засвидѣтельствовалъ именно здѣсь и теперь своей благодарности ему, которую неизмѣнно сохранию на всю свою жизнь. Когда мое изслѣдованіе появилось въ печати, первымъ движеніемъ души моей было—посвятить эту работу ему; и только опасеніе упрека, что я хочу связать свое мелкое имя съ именемъ великаго учителя, удержало меня отъ этого. Пусть же, по крайней мѣрѣ, хоть эти слова послужатъ слабою данью благодарной памяти ученика о своемъ незабвенномъ наставникѣ и руководителѣ.

При благожелательномъ руководствѣ такихъ представителей науки церковнаго права, работа въ ея области значительно облегчалась, и уже моя вина, если, не смотря на это, я сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ предполагалъ. Только себя самого могу винить я за то, что собранныя мною въ долгихъ блужданіяхъ по окольнымъ путямъ

цвѣты науки оказываются безцвѣтными и безжизненными, какъ метерлинковскія „синія птицы“. И этой вины я никогда не сознавалъ такъ ясно, какъ въ данный моментъ, когда приношу свой скромный букетъ засохшихъ цвѣтовъ дорогой „матери—кормилицѣ“, Московской Духовной Академіи, въ надеждѣ, что она не отвергнетъ моего скромнаго дара.

Я знаю, какъ много недостатковъ въ моей работѣ. Но сужденіе о нихъ и окончательный судъ надо мной принадлежить не мнѣ, а уважаемой коллегіи представителей науки и прежде всего—моимъ оппонентамъ, которымъ я и уступаю теперь поле вашего вниманія“.

Послѣ этой рѣчи, покрытой дружными апплодисментами присутствующихъ, началась оживленная бесѣда между диспутантомъ и его оппонентами.

Первый официальный оппонентъ—профессоръ каноническаго права Н. А. Заозерскій началъ свою бесѣду съ самой лестной характеристики подлежащаго защитѣ труда. За тщательность въ обработкѣ юридическаго матеріала, за строгость выводовъ и сжатость стиля, рецензентъ сравнилъ работу магистранта съ „золотымъ слиткомъ“, изъ котораго плавильнымъ приборомъ тщательно удалено все лишнее; такъ что съ этой стороны нельзя предъявить автору никакихъ серьезныхъ возраженій; скорѣй можно опасаться развѣ только того, что точность юридическаго мышленія и сжатость языка книги, пожалуй даже повредятъ ея широкой популяризаціи. А такой популяризаціи она вполне заслуживаетъ, такъ какъ вопросъ о бракѣ, который она спеціально трактуетъ, помимо глубокаго, чисто научнаго, теоретическаго интереса, имѣетъ и весьма важное, современное, жизненно-практическое значеніе. Въ настоящее время вопросъ о бракѣ выдвинутъ на сцену и не только интересуется собой широкіе круги общества, но и усиленно разрабатывается въ законодательныхъ учрежденіяхъ духовной и свѣтской власти. Все это заставляетъ оппонента особенно изощрить свое критическое зрѣніе; и вотъ онъ, вооружившись научнымъ микроскопомъ, нашелъ на вышеназванномъ золотомъ слиткѣ и нѣсколько царапинъ.

Первую такую царапину проф. Заозерскій усмотрѣлъ еще въ самомъ введеніи къ книгѣ г. Громогласова. По мнѣнію рецензента, диспутантъ — страстный поклонникъ римскаго права, все время на немъ базирующій свои выводы—въ введеніи къ своей книгѣ пошелъ еще дальше и сдѣлалъ по-

пытку окунуться въ доисторическую жизнь. Авторъ держится мнѣнія, что форма заключенія брака является отраженіемъ юридическихъ и вообще культурно-правовыхъ воззрѣній извѣстной націи и эпохи. Отсюда онъ, вслѣдъ за многими популярными антропологами и социологами (Морганъ, Леббокъ, Спенсеръ, Тайлоръ, Энгельсъ, Вестермаркъ и др.), утверждаетъ, что первичной, доисторической формой брачныхъ сопряженій былъ *матриархатъ* т. е. господство въ бракѣ женщины, и что вся, вообще, послѣдующая исторія брачныхъ отношеній стоитъ въ тѣсной зависимости и причинной связи съ ходомъ обще культурнаго прогресса. Не оспаривая всѣхъ указанныхъ тезисовъ, проф. Заозерскій утверждалъ, что факты и гипотезы социологовъ и антропологовъ слишкомъ неустойчивы и шатки, чтобы строить только на нихъ подобные выводы. Позднѣйшая же историческая жизнь и даже современная намъ дѣйствительность даетъ основанія къ тому утверженію, что брачная и семейная жизнь устраиваются независимо отъ той или иной степени культурнаго развитія. Мы всѣ прекрасно знаемъ не одну пару супруговъ, живущихъ среди утонченной роскоши и культурнаго комфорта, и однако совершенно некультурныхъ по своимъ брачнымъ отношеніямъ. Равнымъ образомъ, у всѣхъ у насъ предъ глазами и примѣры того, насколько возвышенны и чисты бывають браки простыхъ, некультурныхъ и малоразвитыхъ людей, но живущихъ въ традиціяхъ патриархальной семейной чистоты и въ завѣтахъ доброй нравственности. Значитъ, здѣсь дѣйствуетъ не обще-культурный прогрессъ, а какой-то иной законъ, который и опредѣляетъ собою качественное достоинство брачнаго института.

Отвѣчая на эти возраженія, И. М. Громогласовъ заявилъ, что онъ всего менѣе склоненъ отстаивать каждую деталь „введенія“ въ свою работу, такъ какъ здѣсь ему приходилось не столько выступать въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя по первоисточникамъ, сколько воспринимать и усвоить готовые результаты чужихъ изслѣдованій, огражденные весьма авторитетными именами. Къ числу такихъ результатовъ принадлежитъ и мысль объ изначальности матриархата, высказанная къ тому же такъ кратко—на протяженіи четырехъ—пяти строкъ и въ такой связи, что принятіе или непринятіе ея едва-ли можетъ отразиться на су-

щественныхъ результатахъ самаго изслѣдованія. Что же касается соотвѣтствія или несоотвѣтствія брачныхъ формъ общему уровню культурнаго развитія, то, по мнѣнію диспутанта, для его цѣлей важна не фактическая сторона дѣла, а идейная—развитіе правовыхъ нормъ, которое шло параллельно общему развитію человѣчества. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи древнѣйшія эпохи были гораздо ниже и грубѣе,—взять хотя-бы взглядъ большинства древнихъ народовъ на женщину, какъ рабу, и характерный для нихъ деспотизмъ семейныхъ отношеній. Здѣсь общекультурный прогрессъ, смягчивши нравы, неоспоримо благотворно отразился и на брачномъ институтѣ.

Въ качествѣ второго возраженія диспутанту, проф. Заозерскій указалъ на то, что онъ, односторонне увлекшись римскимъ брачнымъ правомъ, опустилъ изъ виду важныя вліянія другихъ древнихъ законодательствъ, напр. античной Греціи и въ особенности, Еврейскаго народа. А между тѣмъ брачное право Евреевъ, запечатлѣнное въ Библии, безъ сомнѣнія, не осталось безъ сильнаго вліянія на выработку христіанскихъ формъ бракозаключенія. Для подтвержденія своей мысли, проф. Заозерскій прочелъ по Библии характерныя мѣста изъ исторіи обрученія Исаака и Ревекки (Быт. XXIV гл.) и изъ соотвѣтствующаго анализа ихъ вывелъ, что здѣсь на лицо всѣ типическіе элементы послѣдующей римской брачной формулы (*consensus, donatio propter nuptias*—тѣ серьги и запястья, золотыя и серебряныя сосуды, которые фигурируютъ въ этой библ. исторіи). Аналогичный же этому примѣръ имѣемъ мы и въ извѣстной исторіи Іуды и Тамари, гдѣ роль *donatio* играетъ, именно, перстень. Комментируя свои ссылки на Библию, проф. Заозерскій говорилъ, что для него не имѣетъ значенія вопросъ о хронологіи этихъ мѣстъ Библии—принадлежать-ли они пастушескимъ временамъ, написаны-ли они въ эпоху вавилонскаго плѣна, или даже еще поаднѣ—все это въ данномъ случаѣ совершенно не важно. Для него важна и нужна въ этихъ примѣрахъ та устойчивая юридическая правда, которая проходитъ черезъ всѣ эти описанія; она-же сквозитъ и въ римскомъ брачномъ правѣ и она же, наконецъ, болѣе ясно формулируется въ христіанскомъ брачномъ законодательствѣ. Это и есть та глубокая жизненная правда, которая не измѣняется, подобно мнѣ-

стерскимъ циркулярамъ, а живетъ вѣка и тысячелѣтїя исторїи, указывая тѣмъ самымъ на особую чистоту и высоту своего первоисточника.

На это возраженїе диспутантъ отвѣтилъ слѣдующее. Что касается рекомендуемыхъ ему параллелей изъ исторїи брачнаго законодательства древнихъ Грековъ и Евреевъ, то онъ опустилъ ихъ сознательно и думаетъ, что имѣлъ на это полное право. Вѣдь онъ пишетъ не всеобщую исторїю брачнаго института, а лишь намѣчаетъ въ „введенїи“ ея типическіе моменты по наиболѣе подходящимъ для этого даннымъ римской правовой исторїи, и затѣмъ въ самомъ изслѣдованїи анализируетъ бракоопредѣлительную формулу, цѣликомъ заимствованную христіанскимъ законодательствомъ изъ римскаго же права, которому поэтому и удѣлено такъ много вниманїя. Этимъ онъ нисколько не думаетъ, конечно, отрицать извѣстнаго значенїя за другими древними законодательствами—въ процессѣ естественнаго развитїя понятїй о бракѣ, но полагаетъ, что идейные результаты этого развитїя всего яснѣе обнаруживаются въ его завершительномъ моментѣ. Что же касается библейскихъ примѣровъ, то на нихъ, по мнѣнїю диспутанта, нельзя смотрѣть какъ на матеріалъ, вполне подходящий для освѣщенїя моментовъ естественной исторїи брака. Въ тѣхъ исключительныхъ фактахъ, на которые ссылался проф. Заозерскій, слишкомъ видна рука Божественнаго Промысла, осуществлявшаго путемъ ихъ свои особыя цѣли и мы едва ли имѣемъ право трактовать ихъ, какъ примѣры обычныхъ людскихъ отношенїй.

Третье и послѣднее возраженїе проф. Заозерскаго имѣло въ виду отмѣтить, съ одной стороны, нѣсколько преувеличенное значенїе, какое усвоиваетъ диспутантъ „формулѣ Модестина“ въ опредѣленїи элементовъ древне христіанской формулы брака заключенїя, съ другой—указать нѣкоторыя каноническія данныя, просмотрѣнныя авторомъ. Древне христіанское сознанїе, по взгляду проф. Заозерскаго, прекрасно различало двѣ стороны брачнаго законодательства—государственную и церковную. Первую оно такъ и именовало—„законъ политическій (*νόμος πολιτικός*)“, вторую же называло „закономъ естественнымъ и божественнымъ (*νόμος φυσικός*)“, разумѣя подъ нимъ, главнымъ образомъ, врожденный всѣмъ людямъ, естественный нравственный законъ. Эту свою мысль онъ

аргументировалъ ссылками на авторитетъ св. Іоанна Златоуста, Бл. Іеронима и Августина, изъ которыхъ становилось ясно, что въ вопросахъ брака эти отцы церкви отдавали предпочтеніе не столько писанному закону, сколько голосу внутренняго чувства. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи приведенныя имъ свидѣтельства изъ „Апостольскихъ Постановленій“, гдѣ выукло выставляется превосходство естественнаго „физическаго закона“ предъ „второзаконіемъ“. Вотъ, именно, этотъ то законъ, вложенный въ природу человѣка Творцомъ, начертанный еще въ десятословіи Моисея и въ писаніяхъ пророковъ, и во всей его чистотѣ возстановленный въ Евангеліи, и оказалъ, по мнѣнію проф. Заозерскаго, свое рѣшающее вліяніе на выработку церковно - христіанскаго взгляда на бракъ. Ясные слѣды всего этого сохранились и до сихъ поръ въ современномъ чинѣ вѣнчанія, среди молитвъ котораго имѣются и такія, которыя указываютъ на тѣснѣйшую связь христіанскаго брака съ первобытнымъ естественно-правственнымъ союзомъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія диспутантъ указалъ, что онъ отнюдь не игнорировалъ того „естественнаго“ закона, который заложенъ творческою силою Божіею въ самой природѣ человѣка и отъ котораго исходили св. отцы и церковные писатели въ своихъ сужденіяхъ о естественной природѣ брака. Напротивъ, этому то „естественному“ закону обычно отводится первое мѣсто на страницахъ разбираемаго изслѣдованія при анализѣ элементовъ понятія о бракѣ, нашедшаго себѣ классическое выраженіе въ модестиновой формулѣ. И если, по мнѣнію оппонента, такихъ указаній не достаточно, то не слѣдуетъ забывать, что полное и всестороннее раскрытіе христіанско-церковнаго воззрѣнія на бракъ должно составить предметъ слѣдующей, второй половины изслѣдованія объ „опредѣленіяхъ брака въ Кормчей“. Въ своемъ заключительномъ приговорѣ о диссертациі диспутанта, проф. Заозерскій еще разъ подчеркнулъ ея незаурядныя достоинства и привѣтствовалъ въ лицѣ г. Громогласова новаго виднаго работника на почвѣ канонической науки.

Второй официальный оппонентъ—бывшій профессоръ нашей Академіи, а теперь профессоръ Петербургскаго университета, И. Д. Андреевъ—началъ свою рѣчь съ заявленія, что онъ охотно послѣдовалъ бы въ данномъ случаѣ универ-

ситетскому этикету, который при отсутствіи матеріала для какихъ-либо серьезныхъ возраженій, позволяетъ оппоненту молчаливо раскланяться съ диспутантомъ и этимъ ограничить свою официальную роль. Но считаясь съ академическими порядками, гдѣ такого обычая нѣтъ, онъ принужденъ отыскивать недостатки сочиненія и дѣлать по поводу ихъ возраженія.

Первое изъ такихъ замѣчаній касалось характеристики и оцѣнки „Эклоги“, какъ памятника законодательной дѣятельности Исаврійской династіи. Проф. Андреевъ находилъ, что авторъ нѣсколько пренебрежительно и высокомѣрно отзывается о дѣятельности императоровъ этой династіи, чего она далеко не заслуживаетъ. Въ частности, при анализѣ и характеристикѣ самой „Эклоги“ авторъ не принялъ во вниманіе новѣйшаго взгляда, согласно которому „Эклога“, какъ и вся, вообще, законодательная дѣятельность императоровъ-исаврійцевъ, отразила на себѣ важныя восточныя вліянія, шедшія съ сирійскаго плоскогорья и замѣтно воздѣйствовавшія на Византію. А это обстоятельство логически ведетъ и къ тому предположенію, что въ окончательной формулировкѣ христіанскаго брачнаго права принимали участіе не одни только западныя вліянія (римское право), но, въ извѣстной долѣ, также и восточныя. Другое возраженіе того-же оппонента касалось сопоставленія въ книгѣ г. Громогласова цитатъ изъ посланій ап. Павла при характеристикѣ воззрѣній послѣдняго на бракъ. Усматривая въ этихъ воозрѣніяхъ нѣкоторую двойственность, проф. Андреевъ указалъ, какъ на пробѣлъ разсматриваемой работы, на отсутствіе въ ней замѣчаній о хронологіи новозавѣтныхъ писаній и на недостаточность историко-критической интерпретаціи приводимыхъ изъ нихъ мѣстъ, безъ чего ссылки на нихъ не мало теряютъ въ своей убѣдительности и силѣ.

Отвѣчая своему второму оппоненту, диспутантъ заявилъ, что ему оставалось бы только согласиться съ первымъ возраженіемъ, если бы оно не основывалось на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Въ дѣйствительности въ его книгѣ нѣтъ общей пренебрежительной оцѣнки „Эклоги“, а есть лишь одно частное, и вполне справедливое, по его мнѣнію, замѣчаніе (на стр. 147) о „хвастливой“, но не основательной претензіи составителей названнаго законодательнаго свода на то, что

имъ удалось сблизить нормы гражданскаго бракоразводнаго права съ содержаніемъ евангельской заповѣди. Въ отношеніи къ новозавѣтнымъ писаніямъ диспутантъ не усматривалъ для себя ни необходимости, ни возможности самостоятельно разобраться въ исагогическихъ или экзегетическихъ вопросахъ, довольствуясь тѣмъ, что находилъ въ доступныхъ для него пособіяхъ, и полагая, что въ противномъ случаѣ ему неизбѣжно пришлось бы слишкомъ далеко отклониться отъ своей спеціальной задачи.

Въ заключеніе своей бесѣды съ диспутантомъ проф. Андреевъ горячо привѣтствовалъ его и въ частности назвалъ его работу „зрѣлымъ трудомъ настоящаго мастера“.

Въ качествѣ неофициальнаго оппонента, интересное заключеніе всему диспуту далъ ординарный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ латинскаго языка и римской словесности М. М. Покровскій. Оппонентъ, по его собственному выраженію, не пожелалъ взять на себя *partes diaboli*, но предпочелъ сдѣлать одно принципиальное дополненіе къ книгѣ автора, признавая, впрочемъ, что нѣкоторые пункты этого дополненія намѣчены самимъ авторомъ.

Принятіе языческой формулы Модестина христіанскимъ правомъ представляетъ собою весьма важный культурно-историческій фактъ.

Въ свою очередь и формула Модестина (*nuptiae sunt coniunctio maris et feminae, et consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*) при всемъ своемъ юридическомъ характерѣ, не могла не отразить на себѣ сложившихся вѣками въ римскомъ обществѣ этическихъ традицій и идеаловъ.

Уже по внѣшнему своему виду эта формула носитъ на себѣ *стоическій* отпечатокъ.

Римскіе послѣдователи стоицизма—чистые, или эклектики, это для даннаго вопроса не очень существенно—учили (уже Цицеронъ, особенно въ трактатѣ „Объ обязанностяхъ“, но также напр. и въ трактатѣ „О дружбѣ“), что наиболѣе элементарной связью, свойственной всѣмъ живымъ существамъ, включая сюда и людей, является половое влеченіе съ цѣлью рожденія дѣтей и забота о рожденныхъ.

Но люди, какъ существа, одаренныя разумомъ и рѣчью, не могутъ ограничиться такой слишкомъ односторонней формой соединенія; наоборотъ, всякаго рода союзы между ними,

начиная съ союза семейнаго и кончая союзомъ государственнымъ (а семья—своего рода *seminarium reipublicae*) и даже мировымъ—основываются главнѣйшимъ образомъ на сродствѣ нравовъ и высшихъ этическихъ и общественныхъ идеаловъ. Наличность подобнаго сродства естественно приводитъ къ *consortium vitae* и къ *communicatio rerum divinarum atque humanarum*, какъ главнымъ признакамъ и условіямъ истинной, страстной и идеальной при этомъ дружбы; въ трудныя времена *consortium omnis vitae* выражается въ полномъ самопожертвованіи членовъ союза въ пользу другъ друга и въ проявленіи высокаго нравственнаго героизма, не отступающаго даже передъ смертью или сомоубійствомъ (какое стоики, какъ извѣстно, допускали).

Эти взгляды развиваетъ, съ любопытными нюансами, и Сенека, и намъ понятны его афоризмы, что жену нельзя любить *ut adulteram* (т. е. только половой любовью), но что надо любить ее *judicio* (т. е. разумно, какъ этого заслуживаетъ разумное существо). Интересны отношенія между нимъ и его молодой женой Паулиной; они живутъ, какъ дѣйствительно заботящіеся другъ о другъ товарищи, взаимно другъ друга уважающіе и легко идущіе на взаимныя уступки. Сенека тонко отзывается о своихъ отношеніяхъ къ женѣ (письмо 104): *scio spiritum illius in meo verti... Indulgendum est honestis affectibus* (въ противоположность одностороннему половому *affectus*, недостойному челоуѣка). Но и Паулина сумѣла дать героическій отвѣтъ на такія чувства мужа: когда Сенека получилъ отъ Нерона приказъ о сомоубійствѣ, то она изъявила желаніе покончить съ собой и этимъ не только тронула мужа, но и даже терроризовала самого Нерона.

Вообще, женщина, при всемъ ограниченіи своихъ юридическихъ правъ, играла въ римской семьѣ очень большую роль, какъ дѣятельная хозяйка и воспитательница дѣтей. Въ семьяхъ, просвѣщенныхъ философіей, эта роль ея еще болѣе возвышалась въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, такъ какъ образованная мать семейства частью вмѣстѣ съ мужемъ, частью и сама слѣдила и умѣла слѣдить за научнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей и за пріемами ихъ учителей—философовъ. Такова напр. еще знаменитая Корнелія—мать Гракховъ; въ сходныхъ чертахъ изображаетъ Тацитъ мать и жену своего тестя Агриколы.

Во всякомъ случаѣ, римская исторія даетъ не мало примѣровъ самопожертвованія любящихъ и просвѣщенныхъ женъ, сообщившихъ своимъ поведеніемъ глубокой и трагической смыслъ идеѣ *consortium omnis vitae*. Изъ галлерей подобныхъ женъ, кромѣ названной Паулины, очень выдѣляется уже Порція, дочь Катона Младшаго и жена Брута, участница даже въ заговорѣ послѣдняго противъ Цезаря и не пережившая гибели мужа. И память о подобныхъ женщинахъ, къ какой бы политической партіи ни принадлежали ихъ мужья, чтилась въ римской литературѣ съ благоговѣніемъ и хранилась въ назиданіе потомкамъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія спеціальная глава о супружеской любви у Валерія Максима, писателя временъ Тиберія, съ прекрасными примѣрами истиннаго *consortium omnis vitae*.

Но мало того, подобная тема популярна и въ риторскихъ школахъ: такъ, уже Овидій на школьной скамьѣ (см. *Controversiae et Suasoriae*, сохраненныя Сенекой Старшимъ) декламировалъ на тему о томъ, какъ мужъ и жена поклялись не переживать другъ друга, и въ этой декламации, между прочимъ, воздалъ великую честь тѣмъ женамъ, которыя погибли или вмѣстѣ съ мужьями или за мужей.

Вообще, моногамическій принципъ обоснованъ въ Римѣ лучшими представителями общества очень твердо: ср. напр. 376 декламацию Квинтилиана (*uxor sociâ tori, vitae consors, in omni saeculum eligenda est*), или напр. романтическую, выражающую идеалы римскихъ стоиковъ, характеристику брака первобытныхъ германцевъ въ „Германіи“ Тацита (гл. 18 и 19) и т. д.

Во времена имперіи, при сложныхъ и затяжныхъ войнахъ, жены полководцевъ нерѣдко сопровождаютъ ихъ вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми и дѣлать съ ними всѣ трудности походной и лагерной жизни. Такова напр. Агриппина Старшая, доблестная жена Германика; и уже во время Тиберія (Tacit. Ann. III, 34) просвѣщенная часть сената высказывалась въ пользу этого новаго обычая, на томъ основаніи, что нельзя же отнимать у мужей *consortia rerum secundarum adversarumque*

Сходныя воззрѣнія, хотя и развивавшіяся другимъ путемъ, существовали и въ римскомъ плебсѣ. Такъ, онъ всегда вы-

соко цѣнить чистоту брака въ лучшихъ аристократическихъ семьяхъ. Далѣе, весьма любопытны плебейскія надгробныя надписи, въ которыхъ мужья жалуются на преждевременную смерть женъ, бывшихъ имъ истиннымъ утѣшеніемъ въ жизни и дѣлившимъ съ ними горе и радость и т. д. и т. д. (см. конецъ 1-го тома *Фридендера Sittengeschichte Roms* и собраніе подобныхъ надписей у *Bücheler'a Carmina epigraphica*).

Въ заключеніе оппонентъ, вполнѣ согласный съ И. М. Громогласовымъ по вопросу о союзѣ между свѣтской и духовной наукой, выразилъ ему благодарность за доставленіе возможности познакомиться съ его весьма интересной и весьма ученой книгой.

Диспутантъ отвѣтилъ на это выраженіемъ искренней благодарности за интересныя дополненія къ своей работѣ, сдѣланныя ученымъ специалистомъ, которому онъ и помимо ихъ обязанъ нѣкоторыми цѣнными указаніями. Сообщенными теперь данными онъ съ удовольствіемъ воспользуется при пересмотрѣ своей книги для второго изданія, если въ немъ окажется надобность ¹⁾.

Въ заключеніе всего Совѣтомъ академіи И. М. Громогласовъ единогласно былъ признанъ достойнымъ искомой степени и торжественно провозглашенъ магистромъ Богословія, при дружныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Покровскій.

¹⁾ Въ настоящее время первое изданіе диссертациі г. Громогласова, насколько намъ извѣстно, почти уже исчерпано, и авторъ надѣется въ близкомъ будущемъ приступить къ упомянутому пересмотру для втораго изданія своей книги.